

(1)Куда только не занесут охотника ноги!

(2)Меня затащили они в скалистый распадок, где вдруг увидел я во мшистых камнях, среди горной репы и колючек, землянику в цвету. (3)Октябрь месяц, глухая осень, лист почти весь упал, иней и утренник звонкий не один уж выдавался, а земляника цветет!

(4)Я наклонился к ней. (5)На тощеньком стебельке в багровых листьях жил и растерянно глядел на осенний мир беленький цветок. (6)Холодом подпалило округлые лепестки его. (7)Ягодка, только еще зародившаяся, черной точкой светилась в цветке, и умерла уже ягодка, цветку оставалось жить день, от силы два...

(8)И тут в моей памяти неожиданно всплыла сцена, увиденная на станции Комарихинская.

(9)Толпа рыбаков и пассажиров, ждущая поезд, как по команде повернула головы в одну сторону.

(10)От пакгауза двигалась безногая девушка. (11)Она опиралась взятыми в руки деревянными колодками и бросала вперед свое коротенькое тело в кожаной корзине. (12)И была она не в тряпье, не грязная и не пьяная. (13)Непривычная она была, и оттого все смолкли и загляделись на нее: в зеленом ярком берете, из-под которого выбивались льняные кудряшки, голубоглазая, в модной блузке.

(14)Рядом с девушкой шла пожилая женщина, должно быть, мать. (15)Они о чем-то разговаривали, и нарядная девушка делала вид, что не замечает оторопелых лиц и очень она занята разговором.

(16)Так они миновали перрон, людей, и такой бы она и осталась, независимой, гордой, но перрон кончился, и нужно было девушке с женщиной переходить пути.

(17)Она перебросила легкое тело через один рельс, через другой, и внезапно корзинкою задела за третий. (18)Корзинка легко отделилась от девушки, выпало из нее короткое тело.

(19)Девушка упала на бок. (20)Берет зеленый тоже упал, и кудряшки рассыпались, завалили щеку и глаза девушки.

(21)И кто-то уже загоготал в толпе по-жеребьячи, и кто-то уже облаял загоготавшего...

(22)Женщина подняла девушку, усадила в корзинку, отряхнула берет, надела на голову девушки, да еще и поправила его, чтобы сидел на кудрях ладом. (23)И они последовали дальше.

(24)Но перед тем как перебросить свое тело через рельс, девушка обернулась, глянула на нас и...

(25)И с тех пор я ношу тот взгляд в себе. (26)Он пробил меня до самого сердца.

(27)Он был презрителен, надменен, этот взгляд, и будь у девушки глаза взрослые, так бы оно и осталось — презрение и надменность. (28)Но голубые детские глаза читаются. (29)За вызовом и надменностью глубоко-глубоко билась растерянная беспомощность: «Что я вам сделала плохого?..»

(30)И знаю ведь, ничего банальнее нет, чем сравнение этой девушки с земляникой, не к месту и не ко времени расцветшей на речном скалистом обрыве. (31)Но ничего не поделаешь — так они и живут в памяти рядом: цветок, что никогда не станет ягодой, и девушка, которой не видеть счастья...

(По В. Астафьеву)